

После того, как мы закончили ужинать, У Босун предложил нам задержаться в этом неудачливом ресторане и выпить растворимого чая с молоком, который можно было доливать неограниченное количество раз. Первоначально он предложил пить растворимый кофе, который также можно было неограниченно наливать, но я подумала, что это было очень бесстыдно, и более того, было бесстыдно в очень буржуазном смысле, поэтому мы перешли на чай с молоком.

Однако после пятого раза, когда мы попросили официанта помочь нам наполнить наш чай с молоком, мы оба не осмелились его пить, потому что продолжали подозревать, что тот официант с кислой миной, плюнул в него.

Я наблюдала, как небо за окном медленно темнеет, нащупала в кармане мобильный телефон и прервала У Босуна, который красочно описывал, какими свежими, нежными и сочными получаются бараньи отбивные в Новой Зеландии.

- Я думаю, ты, должно быть, устал, тебе лучше вернуться домой и преодолеть свою смену часовых поясов.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

- Я вернулся неделю назад, какую смену часовых поясов нужно преодолеть?

Я заговорила снова:

- Разве ты не говорил, что еще не акклиматизировался и у тебя была диарея? Это доказывает, что, хотя ты думаешь, что преодолел смену часовых поясов, смена часовых поясов тебя не отпускает.

У Босун фыркнул.

- Если ты хочешь пойти и доставить еду, я пойду вместе с тобой, мне удобно будет сходить в больницу на повторный осмотр в то же время.

Этот человек, несомненно, был бесстыдником, у него хватило наглости пройти повторное обследование на диарею, этот тип болезни, которого никогда не видел мир*, он действительно растрачивал медицинские ресурсы нашей родины впустую.

* «видеть мир» – фраза, обычно используемая для обозначения людей, проходящих через переживания, знакомящихся с порядками в мире, обогащающихся жизненным опытом и т.д.

Я пригладила волосы, взяла чай с молоком и отпила один глоток, затем вспомнила, как в этот чай с молоком, возможно, плюнули, и сразу же почувствовала несравнимое возмущение.

- Кто сказал, что я собираюсь доставлять еду! Неужели у меня нет достоинства*?

* оригинальная фраза «□□» - это жаргонная / современная фраза, которая относится к тому, когда кто-то настаивает на том, чтобы что-то сделать, зная, что ему будет больно / это неправильно / это лишит его достоинства; опускается до новый минимум, навлекающий на себя унижение, обесценивающий себя; дать себя провести.

Он кивнул головой и выразил согласие:

- Не хочешь, тогда не доставляй, чего ты так разволновалась? Он не умрет, если не съест ни одного блюда.

Сотни когтей царапали мое сердце, когда я наблюдала, как небо понемногу темнеет. В один момент я фантазировала о том, как у Цзян Чэня начинается желудочное кровотечение и он падает без сознания на операционном столе; в следующий я фантазировала о том, как он становится таким голодным, что грызет собственные ногти, чтобы утолить свой голод; затем я фантазировала о том, как у него так болит живот, что он сошел с ума и использовал хирургический нож, чтобы вспороть себе живот...

В моем мозгу обитал режиссер фильма ужасов, я годилась для того, чтобы поселиться в психиатрической больнице.

Я пристально посмотрела на сидящего напротив меня У Босуна, который невозмутимо и спокойно наблюдал за тем, какая я дерзкая и неугомонная, и внезапно пришла к осознанию. Если бы на меня смотрели как на посмешище, эта пожилая женщина* также приберегла бы себя для Цзян Чэня, оставшись здесь, чтобы позабавить этого парня, который теперь продавался внутри страны, несмотря на то, что изначально производился на экспорт**, насколько серьезно я была больна на самом деле?

* разговорный сленг, который может относиться к вам самим.

** китайский деловой термин, относящийся к продуктам, которые предназначались для продажи за рубежом, но теперь продаются внутри страны [эти продукты по какой-либо причине не могут быть проданы на международном рынке и, следовательно, должны продаваться внутри страны чтобы минимизировать потери со стороны бизнесменов].

Поэтому я хлопнула ладонью по столу и крикнула: «Официант!»

Официант неуверенно подошел, сжимая в руках стеклянный чайник с чаем с молоком. С угасающим энтузиазмом он спросил меня:

- Налить еще чаю с молоком, да?

- Один запеченный рис с морепродуктами, один куриный суп на вынос, - говоря это, я свирепо смотрел на У Босуна.

Он громко и отчетливо присвистнул и, поддразнивая, спросил:

- Ты все еще в состоянии есть?

Я наблюдала, как он поднял чашку чая с молоком, в которую, по всей вероятности, плюнули, и отпил глоток. Я сказала, сияя:

- Я покупаю еду, чтобы передать Цзян Чэню.

Он поставил чашку и улыбнулся.

- Это больше похоже на правду, все, кто усложняет себе жизнь, - дураки.

Его улыбка необъяснимым образом вызвала у меня чувство легкой печали, как будто он ощутил непостоянство времени*.

* оригинальная фраза - 海田 - сокращенная форма идиомы «海田田田», что буквально означает «голубые моря, тутовые поля» - о том, как со временем синее море превратилось в пахотные земли для тутовых деревьев, и как пахотные земли для тутовых деревьев превратились в море. Эта идиома относится к большим переменам, к тому, что мир непостоянен и легко меняется, и т.д.

Я протянула руку, чтобы похлопать его по тыльной стороне ладони.

- Если ты любишь меня, ты должен дать мне знать, только тогда я смогу отвергнуть тебя.

Он пристально посмотрел на меня и медленно выплюнул одно слово:

- Потеряйся.

Я проигнорировала его и продолжила говорить:

- На самом деле, некоторые люди похожи на меня, сравнительно более глупые и страдающие сравнительно большим комплексом неполноценности. Если ты не объяснишь это ясно, она ничего не узнает.

У Босун протянул руку, чтобы похлопать меня по руке.

- Не всем так повезло, как тебе, иметь возможность начать всё сначала.

Закончив говорить, он горько улыбнулся. Его взгляд, казалось, пронизывал меня насквозь и был устремлен куда-то вдаль.

Люди вроде меня, которые нечасто впадают в меланхолию и уныние, очень боятся подобных сцен, требующих вздохов и причитаний. Часто я терялась в догадках, что делать, и часто не знала, как утешить людей. К счастью, мы были очень хорошими друзьями, даже если из-за нашего расставания мы больше не были знакомы с историями друг друга, но нас не пугала подобная неловкость.

Я взяла коробку с бенто и направилась к больнице, У Босун стоял через дорогу и махал мне рукой, выглядя как счастливый кот* в витрине.

* для тех, кто не в Азии, это относится к японской счастливой кошке (фигурка кошки с лапой, которая двигается взад-вперед), которую часто выставляют на витринах магазинов и ресторанов в Азии, чтобы принести удачу.

Я все еще помнила расположение кабинета Цзян Чэня. Несмотря на то, что я была там всего один раз, и хотя я была человеком с плохим чувством направления, но я смогла просто запомнить это. Я знала, что должна повернуть налево, повернуть направо, подняться по лестнице и увидеть пожарный гидрант.

Просто я очень долго стоял у входа, устремив взгляд на табличку с надписью «Доктор Цзян» на двери. Так долго, что тетя-санитарка подошла, чтобы протереть табличку мокрой тряпкой, и даже сказала:

- Вас послали сюда не из-за надзиратели для проверки гигиены, не так ли? На самом деле я протираю эти дверные таблички каждый день.

Я подумала, что не могу позволить тетушке быть слишком напуганной, поэтому мне оставалось только поспешно улыбнуться ей и сказать:

- Нет, нет, я здесь, чтобы найти доктора Цзяна.

Тетушка вздохнула и сказала:

- Я так долго работаю в этой больнице, но еще не видела никого, кто входил бы через заднюю дверь с коробкой бенто.

Я сказала:

- Нет, нет, на самом деле моя коробка для бенто вся набита стодолларовыми банкнотами.

Она удивилась:

- Твоя коробка для бенто всего лишь такого размера, сколько денег ты можешь в нее положить? В наши дни все остальные дают кредитные карты, вы действительно не знаете, как идти в ногу со временем.

Я все еще хотела что-то сказать, когда дверь открылась. Цзян Чэнь бесстрастно сказал мне: «Входи».

Как только я переступила порог, он схватил коробку с бенто из моих рук, заявив: «Ты хочешь уморить меня голодом».

Цзян Чэнь расчистил небольшой уголок своего офисного стола и поставил на него коробку с бэнтто, а затем начал с аппетитом есть. Я осталась болтаться в стороне и наблюдать, как он наморщил лоб, выковыривая лук из риса. Он спросил: «Чэнь Сяоси, почему ты заказала блюдо с луком?»

Я хотела сказать: «Как ты можешь быть таким бесстыдным, я купил тебе еду, а тебе ещё что-то не нравится», я хотела сказать: «Продолжай быть высокомерным, посмотрим, принесу ли я тебе еду в следующий раз...»

Но я этого не сделала, я подумала о том, как очень давно, когда мы еще учились в университете, я принесла его одежду и одеяло обратно в свое общежитие, чтобы постирать и высушить. В общежитии стирка и сушка занимали меня почти три дня, но когда я вернулась, он сказал мне: «Чэнь Сяоси, ты испачкала краской мою одежду». Вот тогда я сказала: «Как ты можешь быть таким бесстыдным, куда еще ты можешь пойти, чтобы найти такую внимательную девушку, не думай, что только потому, что это я преследовала тебя, ты можешь воспользоваться мной».

Он сказал: «Ты что, спятила, я использую стандарты моей будущей жены, чтобы обращаться к тебе с просьбами. Если ты не хочешь, то забудь об этом».

Я прилипла к нему и потрясла его за руку, говоря: «Нет, нет, где это покрасилось? Скажи мне, и я всё исправлю в следующий раз».

Ха, в следующий раз.

- Чэнь Сяоси. - Цзян Чэнь взмахнул палочками для еды, помахав ими несколько раз передо мной. - Из-за чего ты в таком оцепенении?

Я покачала головой и сказала со смехом:

- Я подумала о твоём бесстыдном рте и лице, всегда презиравшем то одно, то другое, когда я помогала тебе стирать одежду в прошлом.

Он взял кусочек кальмара, отправил его в рот и невнятно произнес:

- Как я могу сравниться с тобой в бесстыдстве?

Я тупо уставилась на него. Да, как он мог сравниться со мной в бесстыдстве? Приходить, как только я сказала, что приду, уходить, как только я сказала, что уйду, и действительно осмеливаясь оглянуться, несмотря на то, что был таким.

Цзян Чэнь внезапно поднял голову и пристально посмотрел на меня, говоря:

- Я имел в виду тот случай в библиотеке.

О, так это на самом деле из-за этого я на мгновение осудила себя.

Казалось, это была зима нашего третьего курса в университете, каждый день я сопровождала Цзян Чэня, когда он занимался в библиотеке. В библиотеках южных школ не было такого понятия, как центральное отопление, я боялась холода, но в то же время мне хотелось составить ему компанию, поэтому я могла только одеться немного плотнее.

Моим основным снаряжением было одно термобелье, одна толстовка с капюшоном, два шерстяных свитера, одна куртка, одни термоштаны, одна пара джинсов, две пары носков, одна пара ботинок по щиколотку, один шарф и одна пара перчаток. Я помню, что когда я надевала всю эту одежду на себя, мой гардероб казался совершенно пустым.

Из-за моего слегка толстоватого наряда я была слегка неповоротливой, и наиболее заметным проявлением этого неудобства было чтение романов. Из-за того, что толстые шерстяные перчатки делали мои пальцы чрезвычайно неуклюжими, я никак не могла аккуратно подцепить один лист тонкой бумаги, чтобы затем перейти к переворачиванию страницы.

И я не знаю, был ли сокурсник Цзян Чэня заморожен до глупости, или заморожен до отупения, или заморожен до просветления, в любом случае, после того, как он обнаружил, что я тупо пялилась на одну и ту же страницу романа в течение десяти минут, он взял инициативу помочь мне перевернуть эту страницу. После этого у нас постепенно установилось странное взаимопонимание – я спокойно читала свою книгу рядом с ним, и когда я дочитывала до того момента, когда мне нужно было перевернуть страницу, я опиралась на него рукой, а он, даже не поднимая головы, протягивал руку чтобы помочь мне перевернуть страницу книги.

Этот вопрос на самом деле вовсе не был бесстыдным, и в принципе его даже можно было

считать теплым. Бесстыдство было случайностью, которая исходила от этого тепла.

Пока мы проводили это ежедневное занятие по «тыканию и переворачиванию» в библиотеке, некий репортер из нашей школьной газеты просто лениво загорал на лужайке перед библиотекой. Через большое стеклянное окно библиотеки, доходящее до земли, она непреднамеренно обнаружила взаимодействие между Цзян Чэнем и мной, и, более того, поверила, что это взаимодействие чрезвычайно подходит для темы, которую она собиралась спланировать следующей – «Маленькие красавицы в школьном городке». Поэтому она много дней подстерегала нас в библиотеке и, полностью игнорируя наши права на публичность, осуществила нашу всенаправленную секретную фотосъемку на 360 градусов. Что было бесстыдным, так это то, что после того, как она закончила фотографировать, ей пришлось заняться постпродакшн-редактированием фотографий. Услышав, что я с факультета искусств, она напрямую позвонила мне, и что было еще более бесстыдным, так это то, что под ее постоянными и настойчивыми убеждениями в том, что мы не должны оставлять пробелов в нашей юности, я с радостью согласилась выполнить постпродакшн-редактирование с помощью Photoshop и тому подобного для этого набора фотографий бесплатно. Более того, я отредактировала его таким образом, чтобы получившийся эффект был чрезвычайно мечтательным и эстетически приятным, чрезвычайно похожим на пару бессмертных из сборника сказок, чрезвычайно похожим на пару птиц, летящих вместе*, чрезвычайно похожим на пару уток-мандаринок, резвящихся в воде**...

* «пара птиц, летящих вместе» – относится к очень любящей паре, которая сопровождает друг друга и не расстается;

** в китайском языке / культуре утки-мандаринки являются символом пары, поскольку утки-мандаринки часто держатся вместе как единое целое. Утки-мандаринки часто используются в песнях / поэзии / и т.д. для описания / аналогии прекрасной романтической любви.

Эта серия фотографий вызвала огромную сенсацию после того, как была опубликована в школьной газете, школьная газета и школьный форум воспользовались этим, чтобы действовать сообща и запустить сравнительную оценку «влюбленных парней школьного кампуса», Цзян Чэнь был выбран одним из трех лучших участников конкурса. Бок о бок с ним соревновались некий дорогой друг с китайского факультета, который прыгнул в реку, чтобы выловить кольцо для своей девушки, и другой дорогой друг с исторического факультета, который лично сделал набор ханьфу* для своей девушки. По сравнению с ними выступление Цзян Чэня казалось сравнительно более незначительным, но стоило упомянуть, что дорогой друг с китайского факультета выглядел как Тао Юаньмин** в наших учебниках китайского языка, а у дорогого друга с исторического факультета была внешность, очень характерная для академических кругов – он выглядел как отреставрированная скульптура пекинского человека-обезьяны***. Таким образом, сокурсник Цзян Чэнь с медицинского факультета, который совсем не походил на медицинский образец, храбро занял первое место с результатом опроса, который оставался высоким на протяжении всего времени, и был удостоен звания «Влюбленный школьного кампуса». Этот результат говорит нам о том, что вам нужно зависеть от внешности, чтобы зарабатывать на жизнь в обществе.

* ханьфу – традиционный ханьский китайский костюм/ платье

** Тао Юаньмин – известный и великий писатель и поэт из династии Цзинь

*** пекинский человек-обезьяна /Peking man – Homo erectus pekinensis, человеческого происхождения, его окаменелости были обнаружены вблизи Пекина в 1920-е годы.

Я чувствовала, что, будучи единственным студентом-естествоиспытателем в этом конкурсе, Цзян Чэнь действительно заслужил почет от имени студентов-естествоиспытателей.

Поэтому я не знала, почему Цзян Чэнь, узнав всю последовательность событий по этому делу, был так зол, что чуть не заставил меня буквально врезаться в стену.

<http://tl.rulate.ru/book/89755/2901907>